

Творчество Максима Грека и проповедь Андрея Денисова: к постановке проблемы

Журавель О.Д.

Новосибирский государственный университет (ФГАОУ ВО НГУ), г. Новосибирск,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0535-7765>, e-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru

Литературная школа, созданная старообрядцами Выга в начале XVIII века, — уникальное явление русской культуры. Стремление использовать новейшие риторические стратегии органично сочеталось у выговских книжников с опорой на национальную традицию, представленную, в частности, системой книжных авторитетов. В их число входил и греко-русский богослов, философ и филолог XVI века Максим Грек, глубоко почитаемый старообрядцами. Защитники старого обряда не только использовали его сочинения в церковной полемике, защищая свою позицию. Именно Выговские старообрядцы во главе с наставником Андреем Денисовым (1676–1730) продолжили рукописную традицию сочинений Святогорца, создав на основе его текстов новый свод — Поморский кодекс. В статье делается акцент на том, что Максим Грек оказал влияние и на литературное творчество лидера выговских староверов, Андрея Денисова. Он был не только инициатором многолетнего труда по созданию Поморского кодекса и не только одним из главных составителей Поморских ответов, где были использованы аргументы Максима Грека. Имя Святогорца и ссылки на его труды можно встретить в проповедях Андрея Денисова, а один из сюжетов Максима Грека, заимствованный из творчества Иеронима Савонаролы, лег в основу популярного в старообрядческой традиции сочинения Андрея Денисова — «Слова плачевна о злостраданиях и скорбех Церкви Христовой». Автор статьи делает предположения о влиянии некоторых художественных принципов творчества знаменитого Афонца на поэтику проповеди Андрея Денисова.

Ключевые слова: Максим Грек, старообрядцы, литературная культура, Андрей Денисов, проповедь, риторика, традиция.

Для цитаты: Журавель О.Д. Творчество Максима Грека и проповедь Андрея Денисова: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 98–107. DOI:10.17759/langt.2024110311

The Work of Maxim the Greek and the Sermons of Andrei Denisov: towards the Formulation of the Problem

Olga D. Zhuravel

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0535-7765>, e-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru

The literary school created by the Vyg Old Believers the early 18th century is a unique phenomenon of Russian culture. The Vygovtsy' desire to use the latest rhetorical strategies was organically combined with a reliance on national tradition, represented, in particular, by a system of book authorities. These included the 16th-century Greek-Russian theologian, philosopher, and philologist Maxim the Greek, deeply revered by the Old Believers. The defenders of the Old Rite not only used his writings in ecclesiastical polemics to defend their position. It was the Vyg Old Believers, led by their mentor Andrei Denisov (1676-1730), who continued the manuscript tradition of Maxim' writings, creating a new codex on the basis of his texts — the Pomorian Codex. The article emphasizes that Maxim the Greek influenced the literary work of Andrei Denisov, the leader of the Vyg Old Believers. He was not only the initiator of many years of work on the creation of the Pomorian Codex and not only one of the main compilers of the Pomorian Answers, where the arguments of Maxim the Greek were used. The name of Maxim and references to his writings can be found in Andrei Denisov's sermons, and one of Maxim the Greek's plots, borrowed from the work of Hieronymus Savonarola, formed the basis of Andrei Denisov's popular work in the Old Believer tradition — Slovo plachevno o zlostrafaniyah i skorbeh Tserkvi Christovoy [the Lamenting Tales for the afflictions and sorrows of the Church of Christ]. The author of the article makes assumptions about the influence of some artistic principles of the work of the famous Athonite on the poetics of Andrei Denisov's sermon.

Keywords: Maxim the Greek, Old Believers, literary culture, Andrei Denisov, preaching, rhetoric, tradition.

For citation: Zhuravel O.D. The Work of Maxim the Greek and the Sermons of Andrei Denisov: towards the Formulation of the Problem. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 98–107. DOI:10.17759/langt.2024110311 (In Russ.).

Судьбы рукописного наследия греко-русского богослова, философа и филолога XVI века Максима Грека в последующие столетия тесно связаны с историей старообрядчества. Его сочинения активно использовали в полемике с представителями официальной церкви уже основатели движения — от Ивана Неронова до Аввакума, дьякона Федора и инока Авраамия [19, с. 80–81; 1, с. 58, 72, 145, 180, 191, 198, 217–218, 325, 342]. Глубоко почитали Святогорца соловецкие монахи, и они, видимо, послужили главными проводниками имени и трудов Максима Грека в книжную культуру Выга¹. Именно Выговские старообрядцы во главе с настоятелем пустыни, талантливым писателем и проповедником Андреем Денисовым (1676–

¹ О связи соловецких монахов с насельниками Выго-Лексинской пустыни см.: [20, с. 15–16].

1730) не только упрочили авторитет Максима Грека, расширив в полемической борьбе систему аргументации с опорой на его тексты, но и продолжили рукописную историю сочинений Святогорца [19, 20, 15].

Немалая заслуга в этом принадлежит лично настоятелю. К наследию Максима Грека Андрей Денисов обратился вскоре после избрания, в голодном 1705 году, когда *«ездыше ово з братом Симеоном, а ово и с ыными по всем градом и в Москве по всем монастырям ... промышляше книги и осматриваше, овые покупаше, а овые списываше, испытуя, како в древлеотеческом благочестии утверждатися и стояти»* [17, с. 139]. С этой целью Андрей Денисов с соратниками проникают в Троице-Сергиев монастырь и делают копии с сочинений Максима Грека, начав многолетний труд по освоению его обширного наследия, который в 1721 году завершится созданием особого Поморского кодекса [18]. По свидетельству автора предисловия *«Читателем любезнейшим», «любомудрая настоятеля к прочим многорачительным о книгах прилѣжаниях, возжелѣсте книгу дивнаго изящнаго в философѣх Максима Грека, и елико от разума премудрости свѣтлѣ хвалимаго, толико о житии добродѣтелнѣм и ревности благочестнѣй сладцѣ возносимаго, люботщательным исканием и многотрудным подвизанием прилѣжно изслѣдити, благоусердно собрати и праведно согласивше, исправити, и еже возжелѣсте сие, и сотвориста, книгу сию толикими люботрудии многолѣтна снискания ... собрану, написану и соглашену, на свѣщник чтения благочестивым постависта»*². Этапы этой работы детально прослежены А.Т. Шашковым, доказавшим личное участие настоятеля в редактировании свода [18].

Отсылки к трудам Максима Грека содержатся и в Поморских ответах (1723), важнейшем догматическом сочинении Выговских книжников, представленном как возражение на 106 вопросов иеромонаха Неофита [15]. Одним из главных составителей Ответов также был Андрей Денисов. Шесть отсылок к Максиму Греку содержится в «Слове о вере» Андрея Денисова — своего рода проповедническом ремейке главного догматического текста, Поморских ответов [5, с. 337–351].

Безусловно, для старообрядцев важна была и личность самого Максима Грека, которого они включили в число главных своих авторитетов. «Сказание о Максиме философе», вошедшее в Поморский кодекс, представляло его образцом нестигаемой верности православию, мучеником и страдальцем за веру. В предисловии к Поморскому своду он дважды назван не только «дивным в философех», но и святым: «в собрании словес и послание святого», «иная же словеса святаго Максима во иных древних книгах обретаются»³, а книги его — богодухновенными, несмотря на то, что канонизирован он будет намного позже. Цитаты из сочинения Максима Грека использовались и в эсхатологической теории выговцев [4, с. 211–214].

Однако уже А.Т. Шашков справедливо отмечал, что «в XVIII веке значение Максима Грека для старообрядцев перерастает рамки чисто полемического аргумента» [20, с. 39]. Многолетняя работа над собранием его сочинений оказалась своеобразной литературной школой для выговских книжников. Уже само по себе Поморское собрание стало ценнейшим сводом разнообразных источников, «из которого можно было почерпнуть и новые факты церковной истории, и образцы полемической, риторической и философской литературы, и многие другие «изряднейшие вещи» [18, с. 121].

Известно, что Максим Грек оказал большое влияние на русскую словесность XVI века, на

² ГПНТБ СО РАН. Собрание Тихомирова, № 271. Л. 5.

³ ГПНТБ СО РАН. Собрание Тихомирова, № 271. Л. 5 об.

литературные позиции Андрея Курбского и его кружка. Выражая новые взгляды на искусство слова, он пытался привить книжно-славянской традиции филологический опыт Византии и западноевропейских гуманистов, привнося требования филологической герменевтики и филологической обработанности текстов [13, с. 13]. В новой теории текста показателем мастерства становилось умение создавать и редактировать произведения не по освященным традицией образцам, а по законам грамматики, риторики и диалектики. В.В. Калугин проницательно заметил, что принципы литературной работы в кружке Курбского напоминают принципы работы барочных авторов начала XVIII века, например, Димитрия Ростовского [13, с. 64]. Но эта же особенность оказалась созвучной требованиям Выговской литературной школы, риторические стратегии которой были также связаны с барочными учениями о слове. Рационально и систематически мысливший Андрей Денисов, почитая духовное наследие основоположников движения защитников старого обряда, искал тем не менее словесную систему, которая бы отвечала и его запросам как проповедника и полемиста, и тенденциям эпохи. В 1705 году, до того, как на Выг попали современные, барочные в основном, Риторика [5, с. 10–85], таким образом филологической и риторической культуры становятся сочинения Максима Грека.

Центральное место в литературной культуре Выга и в творчестве Андрея Денисова занимала проповедь. Отметим, что практика проповеди связывалась с наследием Максима Грека уже на заре движения: первыми, кто вводил ее в обиход на Руси, были ревнители благочестия, в частности, друг протопопа Аввакума Иван Неронов. А он, как известно, одно время жил в Троице-Сергиевом монастыре, где хранились сочинения Максима Грека. По словам Сергия Зеньковского, «в Максиме Греке он находил как бы программу своей возможной пастырской и проповеднической деятельности» [10, с. 66]. Риторическая проповедь Андрея Денисова, представляющая собой расцвет данного жанра, станет достойным развитием этой традиции.

Доказывая в проповедях необходимость следования традициям, Андрей Денисов опирается на те же цитаты из посланий апостола Павла, что и Максим Грек в свое время, рассуждая о роли «предания» [7, с. 5]. Так, в проповеди «О содержании староверства и о укоризне раскольникам» он пишет: «Что же ли вина безвинных повинников сих, кии предѣл творя их в ненависть пред челоуѣки? <...> еже объявлено, по ревности Божией и по желанию вѣчных жизни, и по послушанию Сосуда избраннаго Павла, глаголющаго к Солуняном во главе 2: “Тѣмже убо, братие, стойте и держите предание, имже научистесь или словом, или посланием нашим”⁴. И паки той же к Галатом в послании во главе 1, опасая от инѣх новопредании, глаголет: “Но и аще мы или ангел с небесе благовѣстит вам паче, еже благовѣстихом вам, анафема да есть, якоже предрекохом”⁵. И нынѣ паки глаголю, аще кто вам благовѣстит паче еже приясте, анафема да есть» [6, с. 272–273].

Ср. у Максима Грека в Сказании об Иуде: «Аще и Ангель съ небеси будетъ благовѣствуяи намъ паче», егоже прияхомъ от богодухновенных Писании. Но анафема глаголати оному, «аще и Ангель будетъ съ небеси», якоже блаженѣишыи апостоль Павелъ пишетъ къ Галатомъ, глаголя: «Аще кто благовѣствуетъ вам паче, еже блговѣствовахом вамъ, анафема да есть, аще и Ангель съ небесе есть»⁶ [9, с. 78–79]. В Послании некоему иноку о фортуне —

⁴ 2 Фес 2:15.

⁵ Гал 1: 8.

⁶ Гал 1: 8,9.

те же отсылки: «Како же не уstraшилс я оном того же богопроповѣдника, в нихже глаголетъ къ несмысленымъ Галатамъ: «Аще кто благовѣствуетъ вамъ паче, еже приясте, сирѣчь отъ насъ, апостолъ Христовыхъ, анафема да естъ» [9, с. 101].

Отдельного изучения заслуживает богословская проблема свободы воли, или «самовластия» в творчестве выговских старообрядцев. Спорам о «самовластии» человека уделялось важное место в публицистике XVI века. Наибольшее внимание ей уделял именно Максим Грек, обсуждая ее в целом ряде своих сочинений [14, с. 141–188]. Свобода воли, по Максиму Греку, неотрывна от опоры на Бога. Основываясь на учении Августина Блаженного, Максим Грек развивает учение о свободе воли в терминах «самовластия»: «Якоже убо различна добраа дела суть и исправления Богу угодна присвоающа насъ (курсив здесь и далее мой — О. Ж.) Владыцѣ и Богу нашему, их же ради призираетъ на насъ милостивымъ окомъ и съхраняетъ насъ, якоже зѣницу ока, отъ всѣхъ враговъ видимыхъ же и невидимыхъ...» [9, с. 48]. «Мы же самовластни изначала отъ Съдѣтеля създани бывшее, властели есмы своихъ дѣлъ и благихъ, и лукавыхъ... ни ангель, ни бѣсъ, ни звѣзда, ни зодии, ни планить, ни колесо фортуны <...> Мы сами себѣ виновни бываемъ достигающихъ насъ скръбѣхъ и лютыхъ обстоянии, преслушающе спасительныхъ заповѣдей Сътворшаго насъ» [9, с. 49]. По словам А.И. Клибанова, утверждая идею самоценности человека, независимости его от внешних факторов, Максим Грек «вписал русскую общественную мысль в поступательное развитие западноевропейской культуры» [14, с. 188].

Дальнейшая судьба дискуссии о свободе воли человека связана с историей старообрядчества. Н.Н. Покровский писал о том, что выход из-под контроля церковных властей и, соответственно, осознание внешней и внутренней свободы создал благоприятные условия для бурного расцвета творчества старообрядцев. Автор статьи цитирует высказывание митрополита Платона о том, что противники реформы «сделались самовластители по церковным делам» [16, с. 24–25]. Однако проблема свободы воли решалась по-разному основателями движения, так, она составила предмет острого спора между протопопом Аввакумом и дьяконом Федором [14, с. 191–196].

В эсхатологическом ключе решается эта проблема в одном из замечательных с художественной точки зрения произведений Андрея Денисова, в «Слове о последних днях и скорбях». Причем излагает ее автор в той же логике и в тех же понятиях, что и Максим Грек. Основная мысль Андрея Денисова, выраженная в изощренной риторической форме, заключается в том, что, человеку, выбравшему по своей воле соблюдение заповедей, нечего бояться, он уже под защитой Бога. «Сице убо и в самую кончину настоящего вѣка присвоеннѣйшиа ему чрезъ правую вѣру люди Своя во многоразличныхъ злодыхателныхъ отъ навождения чермнаго змия нападанияхъ и волненияхъ соблюдати и о ихъ паче, яко отецъ чадолюбивый, промышляти обѣтоваетъ не престати... Будетъ же сие наше слово 1-е: еже предреченны дни скорбны спасающимъся, в нихъ же не оставлены отъ Бога, но сохраняемы будутъ; 2-е: обѣтование сие со уговоромъ Божиимъ, во еже хранити заповѣди и повелѣния Его, и да не отягчимся отъ грѣхъ и не стиснемся отъ беззаконий своихъ» [5, с. 351]. Господь «присваиваетъ» своихъ подопечныхъ благодаря ихъ свободному выбору — соблюдать заповеди.

Отметим в качестве интересного литературного факта и сюжетное заимствование, породившее одно из самых популярных в старообрядческой традиции сочинений Андрея Денисова. «Слово плачевно о злостраданияхъ и скорбяхъ Церкви Христовы» известно во множестве списков, оно вошло и в Антологию сочинений Андрея Денисова, составленную его последователями (1764 г.) [5, с. 205–214]. Слово Андрея Денисова представляет собой образец мастерски исполненной барочной проповеди. В риторическую канву облечен аллегорический

сюжет, повествующий о встрече «некоей жены», «сединами убеленной» (аллегория Церкви, понимаемой как единство верующих) с путником. Тема церкви представлена в эсхатологическом ключе, и это не что иное, как церковь старообрядческая. В ходе беседы путнику удастся выяснить причины ее плача — оказывается, она печалится о своих грешных детях, нарушающих обеты и тем предающих ее. Основной источник сюжета указан в монологе «жены»: «...сокращу о яже вернейшии мои служители Ездра, Иеремия и прочии неисчисленно мой плачь изобразиша, прейду, яже премудрейший мой таинник Максим ероглифически и исторически моего благородия всеплачевное расхищение изобразив, воспроповеда» [5, с. 206].

Имя Максима Грека названо в одном ряду с пророками Ездрой, Иеремией и «прочими». Некоторые списки содержат уточняющие глоссы: указание на главу 26 или 27 Максима Грека. Речь здесь идет о «Слове о нынешнем окаянном вецѣ» Максима Грека [8, с. 216–232; 9, с. 26–43]. Андрей Денисов пишет, что «таинник Максим» изобразил бедствия церкви «ероглифически». «Ероглифам» придавалось большое значение в европейских риториках. Этимология слова указывает на связь с иероглифами, однако со временем египетский источник был забыт, и под иероглификой понимались практически символы, но символы, понимаемые в системе с эмблемами — в этом особенность именно барочной эстетики. То есть в иероглифах-символах акцент делается на визуальном образе. В словесном сочинении, где нет изображений, он заменяется словесным образом. У Андрея Денисова это, как правило, образы, связанные с глубинными онтологическими или сакральными сущностями — вера, девство, добродетель и т.д.

Исследователями [2, 12, 11, 3] установлены основные источники сочинения Максима Грека. Это канцона Иеронима Савонаролы «О разрушении церкви» (*De ruina ecclesiae*) (1474) и его же «*De ruina mundi*». В канцоне Савонаролы плачущая женщина — аллегория церкви, страдающей в «последние времена». Максим Грек переакцентировал смысл образа, в его сочинении женский образ представлен как «Василиа», царство. По мнению М. Гардзанити, это не просто «истина», но евангельская истина, объясняемая в свете учения пророков и Отцов Церкви [3], некая сакральная сущность царской власти. Андрей Денисов продолжает эсхатологическую линию в трактовке образа, но возвращается к экклезиологической теме. Как и у Савонаролы, «жена», встреченная путником, — это Церковь, только в данном случае старообрядческая.

Следующие поколения выговских книжников свято чтит наследие основателей Выга, и, в частности, Андрея Денисова. Писатель и историограф Иван Филиппов, автор знаменитой «Истории Выговской пустыни» создает «Слово о наставниках Выговской пустыни»⁷, в которое дословно включает «Слово плачевно о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы».

Помимо общих цитат и сюжетного заимствования, мы можем отметить некоторые сходные риторические и стилистические особенности, общие для Максима Грека и Андрея Денисова. Так, Л.И. Журова отмечала, что Максим Грек создает ситуации непосредственного общения через прием обращения к адресату, в том числе мнимому [8, с. 489]. В текстах Максима Грека часто присутствует разговорная речь, диалоги. Адресатом мог быть и условная фигура, как, например, Григорий Богослов. «Но да придет в посредѣ зѣлный въ божественных Григории... и да научит насъ...» [8, с. 67]. Этот прием выполняет эмоциональную и суггестивную функции, усиливает убедительность высказывания.

Один из излюбленных приемов Андрея Денисова — подключение через местоименно-глагольные формы к словам сакральных персонажей и усиление таким образом своей позиции:

⁷ ИРЛИ, Древлехранилище, собрание Перетца, № 474, л. 174-249 об.

«...с пророком Давидом воспою плачевно: «Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобнии, яко умалишася истины основ человеческих суетная глагола ко искреннему своему»? Или с божественным Златоустом реку: «Гдѣ есть собор он древнии богоносных отец?» Возглаголю и аз: «Гдѣ есть православнии наши древнии российстии учителя и чудотворцы? Да станут и отвѣщают за ны, за многоскорбныя своя чада!» Проповедник обращается и к князю Владимиру: «Глаголи ты первие, о равноапостольнии княже Владимире, киими ты учителя научен, просвѣтих святым крещением Рускую землю?...» [6, с. 274].

Отмечая переходы тональностей в сочинениях Максима Грека, Л.И. Журова делает вывод об усилении эмоциональной окрашенности речи в конце сочинений, пишет о сильной позиции начала и особенно конца. «Възненавидимъ злобу и многообразна беззакония ихъ. Възлюбимъ ниневитяновъ доброе по Бозѣ измѣнение и пребудимъ въ немъ о конца... Да не скръбимъ убо безмѣрно въ наспастехъ падающе ...» [9, с. 50–52].

Перформативные конструкции, характерные для проповеди и превращающие слово в активное действие, присутствуют во всех проповедях Андрея Денисова, это его постоянный прием. «Сего ради возненавидим мерския грѣхи и отженем, отринем, попрем беззаконная сквернения, яже паче саж потемнѣвают, паче смолы почерневают.... Возлюбим, воспримем, сохраняем заповѣди Божия, яже нас от дьявольской злости остѣняют, яже нахождения сатанинския побѣждают, яже Божию милость на ны изливают...» [5, с. 357].

Л.И. Журова отмечала эволюцию обращения со словом Священного Писания в творчестве Максима Грека. Если в ранних сочинениях он очень корректно представляет авторитетные тексты, приводит точные цитаты и даже реферируя их, то поздние сочинения отличает творческое отношение к сакральному источнику. Он формулирует основную мысль, почти не прибегая к точным цитатам [8, с. 64]. То же мы наблюдаем у Андрея Денисова как системное явление. Например, один из важнейших в его художественной системе — образ Церкви-Жены. Применительно к Выговской пустыни он реализуется как контаминация нескольких библейских мотивов, создающих новый образ [5, с. 199–202].

Максим Грек сокращает, редуцирует конкретные детали, факты, поскольку главным средством убеждения становится слово как таковое, и упор делается на приемы организации повествования. Важны повторы, ритмика, ассонансы. Ведущий принцип организации текста — заставить услышать слово автора. [8, с. 488–489]. Проповеди Андрея Денисова, рассчитанные на произнесение вслух, были призваны воздействовать на убеждение слушателей, поднятие их духа. Андрей Денисов использовал богатейший арсенал риторических фигур, опираясь на стратегию «ключевых слов», прошивающих проповедь и через повторы доносящих основные идеи [5, с. 142–159].

Вопрос о роли Максима Грека в литературной культуре Выга — это вопрос о перекличке двух эпох в литературном процессе России. XVI век и начало XVIII оказываются связаны глубинными процессами в теории слова. То, что было начато Максимом Греком и филологами его круга, нашло продолжение в риторическом творчестве не только мастеров церковного красноречия, но и старообрядцев, исповедующих концепцию «любомудрия». Конечно, эта проблема ожидает своего дальнейшего изучения, связанного с более полным освоением литературного творчества старообрядческих авторов, с одной стороны, и более глубокого филологического освоения обширного наследия великого Афонца.

Литература

1. Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. 1995. СПб.: Библиотека Российской Академии наук. 435 с.
2. Висковатый К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // *Slavia*. 1939. Т. XVII. № 1–2. С. 128–133.
3. Гардзанти М. «Слово о нестроениях и безчиниях» Максима Грека: к источникам Плача Василии // *Русская литература*. 2021. № 1. С. 55–70.
4. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. 2007. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской Академии наук. 379 с.
5. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. 2012. Новосибирск: Издательство СО РАН. 442 с.
6. Журавель О.Д. О содержании староверства и о укоризне раскольникам» Андрея Денисова — проповедь в защиту традиций» // *Новое прошлое*. 2023. № 3. С. 268–282.
7. Журова Л.И. О роли неписаных преданий в русской публицистике XVI в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2015. Т. 22. № 3. С. 5–10.
8. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Часть 1. 2008. Новосибирск: Издательство СО РАН. 494 с.
9. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Часть 2. Сочинения. 2011. Новосибирск: Издательство СО РАН. 302 с.
10. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Репринт. 1995. Москва: «Церковь». 528 с.
11. Иванов А.И. Максим Грек и Савонарола // *Труды Отдела Древнерусской Литературы*. Т. 23. 1968. Л.: Наука. С. 117–226.
12. Иконников В.С. Максим Грек и его время. 1915. Киев. 640 с.
13. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). 1998. М.: Языки русской культуры. 416 с.
14. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. 1996. М.: Аспект Пресс. 368 с.
15. Поздеева И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества: (первый период — аккумуляция) // *Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen: Akten des Heidelberger Symposions vom 28 bis 30 April 1986*. 1988. Heidelberg. С. 224–263.
16. Покровский Н.Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // *Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока*. Вып. 14. Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. 1978. Новосибирск. С. 19–40.
17. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. 1862. СПб.: издание Д.Е. Кожанчикова. 480 с.
18. Шашков А.Т. Поморский кодекс сочинений Максима Грека // *Источниковедение и археография Сибири*. 1977. Новосибирск: Наука. С. 93–123.
19. Шашков А.Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение) // *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 33. 1979. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. С. 80–87.
20. Шашков А.Т. Максим Грек в старообрядческой рукописной традиции XVIII века Урала, Поморья и Сибири // *Из истории духовной культуры дореволюционного Урала*. 1979. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та. С. 28–39.

21. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. В 2 т. 2002. М.: Языки славянской культуры. Т. I. 544 с.

References

1. Bubnov N.J. *Staroobryadcheskaja kniga v Rossii vo vtoroj polovine XVII v. Istochniki, tipy i jevoljucija* [Old Believer book in Russia in the second half of the 17th century. Sources, types and evolution]. 1995. Saint Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences Publ. 435 p. (In Russ.)
2. Viskovaty K. K voprosu o literaturnom vliyanii Savonaroly na Maksima Greka [On the Question of Savonarola's Literary Influence on Maxim the Greek]. 1939. *Slavia*. Vol. 17, no. 1-2, pp. 128-133 (In Russ.)
3. Gardzaniti M. "Slovo o nestroeniyakh i bezchinyakh Maksima Greka": k istochnikam Placha Vasilii ["The Word on Disorders and Outrages" by Maximus the Greek: to the sources of the Lamentation of Basil]. *Russkaya literatura = Russian literature*, 2021, no. 1, pp. 55-70 (In Russ.)
4. Gur'janova N.S. Staroobryadcy i tvorcheskoe nasledie Kievskoj mitropolii [Old Believers and the Creative Heritage of the Kyiv Metropolis]. 2007. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. 379 p. (In Russ.)
5. Zhuravel' O.D. Literaturnoe tvorcestvo staroobryadcev XVIII — nachala XXI vv.: temy, problemy, pojetika [Literary creativity of the Old Believers 18th — early 21st centuries: themes, problems, poetics]. 2012. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. 442 p. (In Russ.)
6. Zhuravel' O.D. "O sodержanii staroverstva i o ukorizne raskol'nikam" Andrey Denisova — propoved' v zashchitu traditsii ["On the content of the Old Faith and on the reproach to schismatics" of Andrey Denisov — a sermon in defence of Traditions]. *Novoe proshloe = The new Past*. 2023, no. 3, pp. 268-282 (In Russ.)
7. Zhurova L.I. O roli nepisanykh predanii v russkoi publitsistike XVI v. [On the role of unwritten legends in Russian journalism of the 16th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. 2015, vol. 22, no. 3, pp. 5–10 (In Russ.)
8. Zhurova L.I. Avtorskii tekst Maksima Greka: rukopisnaya i literaturnaya traditsii [Author's text by Maxim the Greek: manuscript and literary traditions]. Part 1. 2008. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 494 p. (In Russ.)
9. Zhurova L.I. Avtorskii tekst Maksima Greka: rukopisnaya i literaturnaya traditsii [Author's text by Maxim the Greek: manuscript and literary traditions]. Part 2. Works. 2011. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 302 p. (In Russ.)
10. Zen'kovskij S.A. Russkoe staroobryadchestvo: duhovnye dvizheniya semnadcatogo veka [Russian Old Believers: Spiritual Movements of the 17th Century]. Reprint. 1995. Moscow: Cerkov' Publ. 528 p. (In Russ.)
11. Ivanov A.I. Maksim Grek i Savonarola [Maxim the Greek and Savonarola]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury = Works of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 23. 1968. Leningrad: Science Publ., pp. 117–226 (In Russ.)
12. Ikonnikov V.S. Maksim Grek i ego vremena [Maxim the Greek and his time]. 1915. Kyiv. 640 p. (In Russ.)
13. Kalugin V.V. Andrei Kurbskii i Ivan Groznyi. (Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya [Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible. Theoretical views and literary technique of the ancient Russian writer]. 1908. Moscow: Languages of Russian Culture Publ. 416 p. (In Russ.)

14. Klibanov A.I. *Dukhovnaya kul'tura srednevekovoi Rusi* [Spiritual culture of medieval Rus']. 1996. Moscow: Aspect Press Publ. 368 p. (In Russ.)
15. Pozdeeva I.V. *Drevnerusskoe nasledie v istorii traditsionnoi knizhnoi kul'tury staroobryadchestva: (pervyi period — akkumulyatsiya)* [Old Russian heritage in the history of traditional book culture of the Old Believers: (first period — accumulation)]. *Language, literature and history of the Old Believers: Proceedings of the Heidelberg Symposium from 28 to 30 April 1986*. 1988. Heidelberg, pp. 224–263 (In Russ.)
16. Pokrovsky N.N. *O roli drevnikh rukopisnykh i staropechatnykh knig v skladyvanii sistemy avtoritetov staroobryadchestva* [On the role of ancient manuscripts and early printed books in the formation of the system of Old Believers' authorities]. *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dal'nego Vostoka = Scientific libraries of Siberia and the Far East*. Issue 14. *Voprosy knizhnoi kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka = Questions of book culture of Siberia and the Far East*. 1978. Novosibirsk, pp. 19–40 (In Russ.)
17. Filippov I. *Istoriya Vygovskoi staroobryadcheskoi pustyni* [History of the Vygovskaya Old Believer Hermitage]. 1862. Saint Petersburg, D.E. Kozhanchikov Publ. 480 p. (In Russ.)
18. Shashkov A.T. *Pomorskii kodeks sochinenii Maksima Greka* [Pomor Codex of Maxim the Greek's Works]. *Istochnikovedenie i arkhografiya Sibiri = Source studies and archeography of Siberia*. 1977. Novosibirsk: Sciences Publ., pp. 93–123 (In Russ.)
19. Shashkov A.T. *Maxim the Greek and the ideological struggle in Russia in the second half of the 17th — early 18th centuries (Forgery and its exposure)*. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury = Works of the Department of Old Russian Literature*, vol. 33. 1979. Leningrad: Leningrad Department of Science, pp. 80–87 (In Russ.)
20. Shashkov A.T. *Maksim Grek v staroobryadcheskoi rukopisnoi traditsii XVIII veka Urala, Pomor'ya i Sibiri* [Maxim the Greek in the Old Believer manuscript tradition of the 18th century in the Urals, Pomorie and Siberia]. *Iz istorii dukhovnoi kul'tury dorevolyutsionnogo Urala = From the history of spiritual culture of the pre-revolutionary Urals*. 1979. Sverdlovsk: Publishing house of the Ural State University, pp. 28–39 (In Russ.)
21. Yukhimenko E.M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn'. Dukhovnaya zhizn' i literatura* [Old Believer Hermitage of the Vyg. Spiritual Life and Literature]. In 2 v. 2003. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, v. 1. 544 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Журавель Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, заведующая Лабораторией археологии и источниковедения НОЦ «Наследие» Гуманитарного института, профессор кафедры теории и истории журналистики, Новосибирский государственный университет (ФГАОУ ВО НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0535-7765>, e-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru

Information about the author

Olga D. Zhuravel, Doctor in Philology, Head of the Laboratory of Archeography and Source Studies of the Scientific and Educational Center “Heritage” of the Humanitarian Institute, Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0535-7765>, e-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru

Получена 16.08.2024
Принята в печать 15.09.2024

Received 16.08.2024
Accepted 15.09.2024